

18+

Крис
Вормвуд

ХОЛОДНЫЙ
ОСТРОВ

ПРОПАЩИЙ
ДЖОННИ

Крис Вормвуд

**Холодный остров.
Пропащий Джонни**

«Издательские решения»

Вормвуд К.

Холодный остров. Пропаций Джонни / К. Вормвуд —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507679-3

Однажды промозглым вечером ты оказываешься на полузаброшенной пристани. Город за спиной застыл, укутанный туманом, словно саваном, а последний паром только что скрылся в ночной темноте, помелькав на прощанье огнями. И лишь подозрительный тип в классическом желтом дождевике соглашается подкинуть тебя на ржавом судёнышке до загадочного острова, из которого можно смело отправиться в любую точку мира... Что дальше? Выбор за тобой! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-507679-3

© Вормвуд К.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Холодный остров Пропаций Джонни

Крис Вормвуд

© Крис Вормвуд, 2020

ISBN 978-5-0050-7679-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Однажды промозглым вечером ты оказываешься на полузаброшенной пристани. Город за спиной застыл, укутанный туманом, словно саваном, а последний паром только что скрылся в ночной темноте, помелькав на прощанье огнями. И лишь подозрительный тип в классическом желтом дождевике соглашается подкинуть тебя на ржавом судёнышке до загадочного острова, из которого можно смело отправиться в любую точку мира. К тому же, он просит смешные деньги. Ты соглашаешься, ведь даже геенна огненная кажется тебе привлекательнее этой пристани и проклятого дождливого города.

И вот вы уже летите сквозь густую ночную мглу в никуда, ощущая капли дождя и морскую соль на губах. На палубе никого нет, но, если приглядеться, можно заметить мелькание странных теней повсюду. Тьма рисует перед тобой причудливые лики чудовищ, выглядывающих из воды, но твой разум, воспитанный в суровом материалистическом мире, ещё противится этим видениям. Всё можно списать на игру воображения: животный страх темноты и открытой воды.

Вода – это хаос, километры неизведанных пространств, то, что издревле вселяло людям первородный ужас.

Через каких-то несколько минут из тумана появляются первые огни далёкого острова, не отмеченного ни на одной из карт мира. Он больше, чем мог казаться, и неумолимо приближается, словно огромный огненный муравейник, искрящийся вывесками и светом ночных фонарей. Это кажется сном, видением, чем угодно, но ночной холод не позволяет забыть и заставляет смотреть, как паром входит в бухту, словно в оскаленную пасть дикого зверя.

Паромщик, приняв плату, спускает к причалу шаткий мостик. Главное, не смотри вниз. И вот ты остаёшься один на один с Холодным Островом...

Глава 1

Седое дыхание природы оседает инеем на пожухлой траве и ветвях деревьев, даже грозди винограда застыли во льду, словно в хрустале. Только в ноябре понимаешь, почему это место называется Холодным Островом. Летом всем хочется жить и держаться. Осенью мороз пробирается в самое сердце, глубже – в душу, разливается в крови инъекциями ужаса.

Марк выходит на крыльцо покосившегося деревянного особняка прошлого века. Закуривает сигарету, взводит ружьё и меланхоличным взглядом озирает окрестности. Если призраки опять нагрянут, то пули будут бесполезны. Этот ежедневный ритуал придает ему сил.

Хочется убежать отсюда, но теперь он точно знает, что в любой точке земного шара собственные кошмары настигнут его. Здесь он уже успел стать своим, оставаясь чужим самому себе.

Из открытого настежь чердачного окна играет слишком позитивный психоделический рок. Ветер треплет выцветшие занавески. Женский голос разносится над лесом и полем. Марк не может припомнить название группы, но всё это гротескным образом резонирует с вымершим пейзажем.

Вернуться. Попросить их, чтобы выключили радиолу – погрузиться в пыльную тишину догорающего утра.

Он возвращается обратно, хлопнув дверью с такой силой, что вывеска «Дом Пропавших», выведенная разноцветными кривыми буквами, слетает с одного гвоздя, но каким-то чудом остаётся висеть над входом.

Прошлым летом всё выглядело иначе: картонные домики пригорода, похожие друг на друга как фарфоровые зубы во рту, аккуратно постриженные лужайки, смех соседских детей, лай собак, воздушные змеи, взмывающие высоко над кронами деревьев; и солнце большим раскалённым диском нависало над округой.

Раскалённый асфальт плавил подошвы кроссовок, очки не спасали от бесконечного света, рюкзак оттягивал плечи. Не по погоде надетый плащ, саваном укутывал вспотевшее тело. Некогда длинные пшенично-каштановые волосы свисали мокрыми прядями.

– Марк! Куда ты идёшь, Марк?! – кричал соседский мальчишка, переходя с шага на бег.

– Далеко, мелкий чувак, далеко, – отвечал Марк, картинно затягиваясь смятой сигаретой.

– Ты вернёшься? – пацан с надеждой семенил рядом, стараясь разглядеть глаза за стёклами очков.

– Нет... можешь взять мои кассеты и шмотки. Мне они больше ни к чему.

Мальчик остановился, в его взгляде засияло новое солнце.

– Это, в Голливуд, чтобы стать рок-звездой?

Марк тяжело вздохнул:

– Нет. Я уйду куда-нибудь, чтобы стать собой.

Этим утром в Морриган было столько любви, что от этого накала могла рухнуть вселенная. Заботливые руки пекли блины. Она вспоминала, как её бабка сводила своего мужа в могилу при помощи солей таллия и всё тех же неуёмных чувств. Этот проклятый род вился изворотливой змеей через историю Острова: колонизаторы, рабовладельцы, отравительницы, ведьмы.

Но в этих аппетитных блинчиках, поджаривавшихся на плите, на этот раз не было яда, только ароматные специи и капли собственной крови – небольшая жертва для Хозяина. Здесь

не прижилось вудуистическое имя Барона Самеди, как и его чернявое изображение, завезенное в Америку ещё гаитянами. К одним Хозяин приходил в образе высокого человека в чёрном сюртуке, к иным же в виде чёрного пса. Он был просто поделник в делах колдунов и вечный страж кладбищенского перекрёстка. Но что задумала эта женщина знал один лишь Чёрт.

Посреди гостиной Йон и Рух играли в свою непонятную игру с карточками, кубиками, картой и фишками. Для Марка это развлечение было ещё скучнее учебника по ядерной физике.

– Вот смотри – Я наношу тебе десять очков урона! – хищно оскалился Рух, вынимая карту из колоды.

Йон бросил кубик на доску.

– Не получится. У меня защитная броня эльфов, – хладнокровно ответил он. – Ты пропускаешь ход.

– Вот чёрт! – Рух ударил тощим кулаком по столу, от чего кубик подскочил вверх.

Марк вздохнул, в который раз наблюдая эту картину.

– Неужели вам не хватает нашей жизни, что вы играете в этот бред. У нас тут призраки бродят по полю, – сказал он, показывая в сторону окна.

Рух отложил карты.

– Позволь, я тебе объясню кое-что, мой друг? Видишь ли, как бы ни была насыщена наша жизнь, в этой реальности ты не сможешь вытащить меч и погромсать бестелесных сущностей в труху! Даже фаербол красивый не запустишь. Мы тут, по сути, ничего не решаем, – он потянулся за сигаретой. – Здесь же, в своём воображении, ты можешь быть магом, паладином, эльфийским лучником и так далее...

– А что ты скажешь про вампиров? – возразил Марк. – Вампиры-то у нас водятся.

– Видишь ли, наши вампиры не могут обращаться в летучую мышь, не умеют летать, не живут в замках, не обладают магией. Они ничем не отличаются от шпаны, только здесь им нужен не твой кошелек, а твоя жизнь. Какая разница, зачем тебя пырнули ножом в подворотне? Чтобы выпить твою кровь или просто ограбить? В этом нет никакой романтики. Ты здесь первый год, а мы всю жизнь торчим на этом проклятом острове.

Марк снова вздохнул. За год, проведённый на Острове, он узнал и увидел больше странных вещей, чем за всю свою жизнь.

Рух, тем временем, продолжал:

– Вот ты зато успел побывать в Диснейленде, покататься на сёрфе, посетить концерт Black Sabbath и кучу разных вещей, недоступных нам. Для тебя это обыденность, точно такая же, как для нас призраки, вампиры, мертвецы, дьяволопоклонники и колдуны. Это не то, что ты в киношках видел – это реальность.

– Я опасаюсь за свою задницу, чел, – выдал Марк. – Эти твари шастают там неспроста. Надо что-то делать.

Рух рассмеялся, роняя пепел с сигареты.

– Это в кино ты герой, который разносит полчища нежити из пулемёта. В реальной жизни ты безызвестный чувак, которого убьют первым, в особых случаях – убьют смешно.

Марк задумался о колдунах. Ему ещё не доводилось сталкиваться с открытым магом, хотя, возможно, они ничем не отличались от людей. Рух словно прочитал его мысли:

– Даже магия действует не через мгновенные заклинания и вспышки молний. Она ритуальна, сложна, требует огромных затрат и не так примечательна. Как бы тебе объяснить? – он накрутил на палец тонкую длинную косичку, растущую из его криво постриженной головы. – Это больше сродни вуду. Чтобы убить врага, к примеру, не достаточно сказать заклинание, и он шмякнется в обморок; ты делаешь куклу, методично тыкаешь в неё иголками, ежедневно

кормишь чёрных божеств своей кровью, пока силы не решат принять твои старания. Жертва болеет, если вовремя не смекнёт, то умирает... Ничего романтического, короче.

– Проще взять и пристрелить, – подал голос Йон. – Но там с копами проблем не оберешься, хотя у нас и это можно грамотно проверить.

Неопознанный Джон Доу

В юности я сказал себе, что стану либо звездой, либо займу своё место в могиле под именем Джон Доу. Так полиция маркирует неопознанные трупы. Так я и представился, придя в этот дом впервые, никто не заметил подвоха. Мы ушли вместе с другом, покинули мир людей, царство суеты. Кто же знал, что он умрёт по дороге на Север, и именно я отнесу его тело на обочину дороги, чтобы утопить в луизианском болоте. Некоторые мучаются от болезней, другие же просто засыпают себе спокойно под пение Боба Дилана, чтобы к утру постучаться в небесные двери.

Я редко думаю о прошлом, оно навевает на меня тоску; глухой полузабытый остров разрушает меня не меньше, чем огни Калифорнии или суета Нью-Йорка. Мне не хочется быть здесь, я ненавижу каждый гвоздь и каждый камень, но я не хотел бы оказаться в любом другом месте на свете. Здесь меня никто не знал, ничто не мешало быть собой, снова превращаясь в этого бледного подростка, который заморожено смотрел на мир, провожая солнечные лучи. Те, кто окружает меня, такие же дети, не видящие особой разницы между 27 и 16. А я с 19-ти лет считаю себя старым и хочу в могилу.

По вечерам гостиная Дома Пропавших наполнена сигаретным дымом, раскатами музыки, запахами ароматических свечей и дешёвого пива. Четверо парней сидят на продавленном диване и делятся впечатлениями прошедшего дня. Они всегда однообразны, эти истории о призраках, городские сплетни и новости, долетающие с материка. Здесь кажется событием достать новую пластинку, книжку или кассету. За много дней ничегонеделанья можно неоднократно пересмотреть все ужастики в прокате: насладиться фальшивыми криками актёров, литрами искусственной крови. Это так забавно и всего лишь игра.

– Почему все пришельцы с материка такие странные? – вдруг выдохнул Рух, припивая пиво из алюминиевой банки. – Один охотится на призраков, другой часами стоит на обрыве.

Он часто говорил о присутствующих в третьем лице, словно их нет.

– Потому что здесь слишком странно и депрессивно, – сказал Марк.

Доу лишь саркастически хмыкнул из-под копны крашенных спутанных волос, продолжая разглядывать свои новые ковбойские сапоги. Они занимали его больше болтовни окружающих.

– Как ты обычно развлекался дома? Вот как?! – продолжал Рух.

– Ну много как, – сказал Марк. – Ходили в открытый кинотеатр, джемили в гараже, торчали в игровых автоматах. Ездили в город на концерты. Здесь вообще ничего нет, и я отдыхаю душой от радостей конформизма.

– Думаешь, я помню свои развлечения? Я ваше вчерашний день не помню, – вставил вдруг Джон Доу.

– Ну, а мы, здесь на острове, кидались камнями в чаек, воровали из магазинов и дрались между собой. Такая вот нормальная деревенская жизнь. Мы же для вас красношеее наверное?! – спросил он с вызовом.

– Нет, мне вообще пофигу. Меня сейчас гораздо больше интересует устройство мира за его привычными гранями.

– Не суйся, – хмыкнул Йон. – Особенно не думай о магах и погостах. Это всё то, с чем лучше не связываться. У нас тут и так грань между мирами разрушена. А ты из-за каких-то призраков бегаешь и ищешь кого-то целыми днями.

Пластинка закончилась. Марк подошёл к проигрывателю, извлекая из коробки новый виниловый диск.

– Ну вот, загрузили совсем городского, он уже «Coven» начал слушать; скоро придёт кислота, пляски у костра и позер Ла Вей.

– Чем-чем, а вот Ла Веем я никогда не увлекался, – сказал Марк, ставя на пластинку иглу, дабы разбавить этот унылый разговор голосом Джинкс Доусон.

Ему не хотелось посвящать в свои тайны сельскую шпану.

– Давайте лучше угоним тачку у чокнутого деда с фермы, возьмём вискаря и отправимся тусить в центр? Может быть, девчонок склеим, – внезапно предложил Рух, кажется, пиво успело дать ему по шарам.

– Всё равно лучше, чем сидеть и болтать ни о чём, – скучающим голосом ответил Джон.

Ночь была тиха, как младенческий сон, четыре тени скользили вдоль забора, стараясь не оставлять следов в рыхлой осенней грязи. Сухая трава колыхалась под ветром. Мелькали вдалеке призрачные огни. Свет в доме фермера давно погас. И только полная луна окружала заросший бурьяном двор, на котором лицом к дороге стоял старый проржавевший пикап.

Все мальчишки на Острове знают, как вскрывать машину проволокой и как соединять провода. Это не было проблемой для Руха.

– Эй, водить умеешь?! – спросил он у Марка.

Он долю секунды сомневался, но мысль о том, что водитель из товарища окажется крайне хреновым, не давала ему покоя. Порой лучше взять дело в свои руки. И он послушно сел на водительское кресло, где уже ревел заведённый умелыми руками Руха мотор.

Они ехали с выключенными фарами по пустой дороге. Машину изрядно трясло. Но когда впереди замелькали огни города, металлические раскаты тяжёлых гитар разорвали пространство.

– Вот так-то лучше, – сказал Марк.

– Боже, что это? – спросил Йон, стараясь заткнуть барабанные перепонки.

– Это «Venom», чувак, просто смиришься с этим.

Цивилизованная часть острова манила огнями баров и ночных клубов. Им не нужны были эти скучные радости обывателей, куда веселее было оторваться как настоящие подонки.

Ночной супермаркет слабо светился грязно-желтым светом посреди чёрных трёхэтажных построек. За кассой стоял угрюмый прыщавый подросток в засаленном форменном жилете.

«Жалко его», – подумалось вдруг Марку, сам подрабатывал на каникулах в магазине, чтобы набрать денег на новую гитару. Но что поделаешь, жизнь зачастую несправедлива, иногда тебе нужно побыть тем самым неизбежным злом.

Йон остался отвлекать продавца у кассы, пока все втихаря наполняли карманы кожаных курток пивом, чипсами и сигаретами.

– Как дела, чувак? – спросил Йон, облокотясь на прилавок. Из всех четверых он был самым младшим и выглядел смешно и безобидно в огромной не по размеру жилетке и с длинной светлой чёлкой. Типичный школьник.

– Н-н-нормально, – ответил парень, слегка заикаясь.

– Скучно, наверное, стоять здесь ночью, когда все вокруг развлекаются вечером пятницы?

– Н-н-немного.

– Не мог бы ты продать мне пару бутылочек «Будвайзера»? – спросил Йон.

– П-п-покажите ваши права или паспорт.

– Ну тут такое дело, у меня нет прав, забыл дома.

– И-з-звините, но тогда я не могу.

Йон оглянулся на ребят, поджидавших его за дверьми магазина.

– Ну тогда ладно, – он развернулся и хотел было идти.

В дверь проснулась немытая голова Руха.

– Эй, ботан. Бросай работу и дуй к нам, – крикнул он продавцу.

Йон опешил, понимая, что план валится к чертям.

– Но моя смена заканчивается только через час, – ответил тот.

Но его глаза под стёклами очков наливались демоническим огоньком. Шанс затусить с «крутыми» ребятами, казался пусть и подозрительным, но весьма заманчивым для его безрадостной жизни.

Остальные тоже просунулись в магазин.

– Да, чел, работа для лохов! – вторил ему Марк.

Пацан немного помялся, затем скинул форменную жилетку и, перемахнув через стойку, устремился к пикапу.

– Пиво будешь? – спросил Рух, – когда все сели в машину и снова врубили музыку на полную.

– Конечно, – сказал ботаник, принимая из его рук смятую банку.

– Гони к обрыву, туда, где старый маяк. Там тихо и можно потусить, – сказал Рух Марку.

Море бушевало внизу. Белая пена светилась в отблесках луны, горел костёр. Играла музыка. И в мире процветала идиллия. И счастье было вечным, чистым, звенело искрами юности и алкоголя. В такие ночи кажется, что будешь жить вечно и никогда не состаришься.

Рассвет брезжил впереди за кромкой воды. Осенняя заря кажется мерзкой и липкой, словно иней на ресницах покойника. Эти серые лучи солнца за грязной ватой облаков убивали всю радость и веселье бурной ночи.

– Да гори оно всё! – сказал Марк, прислоняясь к машине. – Давайте уже столкнём это ведро с обрыва для полноты картины?

Все согласились, желая разбавить утраченную радость маленьким разрушением, наплевав на то, что домой придётся идти пешком сквозь лес. Машина поддалась не с первого раза. Наконец колёса сдвинулись с места и пикап заскользил по мокрой траве, перекувырнулся через валун и устремился вниз, туда, где ещё шумели волны. Взрыва не последовало, бензобак был почти пуст, так что обошлось без киношных эффектов.

Усталые, но довольные, они поспешили домой.

– Слушай, а где тот ботан? – спросил вдруг Марк, когда до дома оставалось совсем немного.

– Кажется, я видел его в последний раз, когда он напился и спал в машине, – выдал вдруг Джон.

Осознание прошло запоздалой молнией сквозь мозг.

– Мы что, его убили? – спросил Марк, поражаясь равнодушию своего голоса.

– Получается, что так, – ответил Рух.

Все молча переглянулись и зашагали дальше. Марк вспомнил про один из законов магии, который тоже можно было применить к данной ситуации: «Откат появляется лишь тогда, когда ты начинаешь сожалеть о содеянном».

Глава 2

Смерть

Имя мне – Смерть, и я лишь наблюдатель в этом царстве суеты под названием «жизнь». Страшно подумать, когда-то я тоже был живым, насколько это можно было себе представить. После жизни у нас появляется больше свободного времени, простор для размышления о прошедших ошибках, на ум приходит множество вариантов развития собственной судьбы. Я об этом думал, пока не устал от однообразия длинного бесконечного дня посреди серых теней. Бог, боги или вселенная создали ночь, она как нож для нарезки времени. Дни существуют как песчинки в часах, призванных мерить собственную скорбь.

Я – сознание прожившее вечность за короткий миг.

Ох, моя милая Морриган, я замираю от блеска изумрудов, когда ты поднимаешь на меня глаза и спрашиваешь одними губами: «Кто?». Но я ничего тебе не отвечу. Я не имею права.

– Спрашивай души, научись говорить с ними. Тела не дадут тебе всех ответов. Это лишь мешки, набитые требухой.

Мне нравится, как ты читаешь летопись ран на теле, собирая всё в единую картину. Воистину богиня смерти, но и у тебя бывают проколы. Врачи не всеильны, а ты, как коронер, тем более. Что-то промежуточное между врачом и жнецом. Полумистическая профессия, что-то сродни моему ремеслу.

– Черепно-мозговая травма. Вода в лёгких. Он был ещё жив, так что причина смерти, скорее всего, асфиксия. Токсикология показала наличие алкоголя в крови, впрочем, всё и так ясно по запаху. Никаких следов борьбы на теле.

Морриган снимает перчатки и вносит заметки в свою тетрадь.

– Я знаю, что это не просто несчастный случай с пьяным вождением, но у меня нет доказательств. Вот и спрашиваю тебя.

– Полиция разберётся, твоё дело – это трупы, – отвечаю я.

– Полиция бессильна. Знаешь, сколько раз я писала «несчастный случай», когда знала, что это не так, но не могла доказать обратное?

– Тебе пора привыкнуть, что все делают свою работу. Я смерть, и не в моих интересах спасать кого-то. Так и ты коронер, а не полицейский.

Морриган снимает медицинскую шапочку, роняя россыпь чёрных волос на забрызганный кровью халат.

– Мне нужно выпить, – говорит она. – Я проходила практику в Нью-Йорке, в Гарлеме, но даже там не видела столько дерьма.

Она сняла халат и сложила грязные инструменты в мойку.

– Там просто огнестрел, ножевые. Там всё понятно.

– Джо, заверни его, – кричит она своему ассистенту, покидая своё маленькое царство мёртвых.

То, что она сама пригласила меня выпить, кажется явным прогрессом в нашем общении. Я не задумывался о том, можно ли мне заводить отношения, но от душевных бесед с почти коллегой я не отказался бы.

Мы сидели в приятном кафе, слушали джаз и пили Лонг-Айленд. Идеальное завершение тяжёлого дня.

– Знаешь, меня с детства влечёт к мертвецам... – она прикрывает рот рукой и смеётся. – Нет, не в том смысле. В шесть лет меня оставили с трупом бабушки и уехали по каким-то похоронным делам. Я сидела четыре часа рядом с трупом. И знаешь, мне не было страшно.

Выражаясь языком дешёвых романов: «Я была заморожена мрачным величием смерти».

Нет, просто она молчала и казалась величественнее и мудрее, словно знала что-то такое, что живым пока не дано. В мёртвом виде я любила её гораздо больше, нежели в живом.

– Странные мысли для шести лет, – ответил я.

– Наверное, но это первое, о чём я подумала, глядя на неё.

Я почти всё время молчал, мне нечего было рассказать о себе. Морриган знала, что я смерть, знала, что я знаю больше чем люди, но для всех я просто водитель катафалка: люблю выпить по выходным, люблю рок и джаз, веду скрытный образ жизни, у меня только один приятель, не смотрю телевизор, не читаю газет. Вся биография уместается в несколько строк. Но что я мог сказать ей о тонкостях моей работы, о целой вечности, проведённой за Гранью или о прошлой жизни, которую я не помню и не хочу вспоминать.

– Этот фильм про вампиров полный отстой, – сказала Сюзанна, выплёвывая жвачку на грязный асфальт. Фил затянулся ароматным дымом вишнёвой сигареты и присел рядом на парапет возле кинотеатра.

– Это порочит весь образ, – продолжила она, поправляя тёмные очки, которые не снимала даже ночью. – Они даже Боуи позвали, чтобы как-то скрасить это уныние, разбавили всё сиськами и кровью. И как только Питер Мёрфи на такое согласился, я думала, он не позер.

– Это же кино, – вздохнул Фил, – Оно должно быть тупым, чтобы привлекать идиотов, обывателей и позеров.

Из кинотеатра выходили толпы накрашенных подростков и взволнованные парочки, все они спешили раствориться в сгущающихся вечерних сумерках. Эти люди были одеты точь-в-точь как Фил и Сюзанна: те же растрёпанные чёрные волосы, мешковатая одежда, рваные чулки.

– Вот для таких всё это и делается, – ухмыльнулась она.

– Надо проще смотреть на вещи, в этих кругах так просто затеряться. И уже непонятно, столетний вампир ты или просто сумасшедший субкультурник-сатанист. Всё потому что киношники и музыканты захотели нести некогда закрытый мир в массы. За это можно сказать кривое «спасибо» некоторым талантливым личностям, не умеющим держать язык за зубами. Я думал, эта мода не коснётся Острова, но нет, все непонятные детишки теперь играют в вампиров.

Они встали и пошли по петляющей мостовой в сторону набережной. Дул пронзительный ветер, который заставил бы любое живое существо съёжиться и поспешить в теплую нору, но вампирам было всё равно.

– Да ладно тебе, – продолжила разговор Сюзанна, доставая из пачки новую сигарету. – Это что, первый фильм о вампирах? Когда-то мы ходили с тобой на «Носферату» и все тоже думали, что это шедевр, теперь этот чёрно-белый фильм двадцатых стал историей, классикой ужасов и тому подобное... но не породил собой никаких готов.

– Хм, с тех лет мне больше запомнились «Уродцы». И давай не будем пускаться в ностальгию как тысячелетние старики.

Им обоим недавно исполнилось по сто лет, по вампирским меркам – совсем немного, сто лет непрерывного вампирского детства. Они повидали немало, но совсем не успели устать от дарованной им вечности.

– У вас есть прикурить? – послышался откуда-то звонкий детский голос.

Рядом стояла растрёпанная девочка в большом не по размеру плаще. Растёкшаяся тушь стекала по её бледному лицу, образуя чёрные трещины на белом фарфоре кожи. Тёмно-синие губы посасывали фильтр незажжённой сигареты.

– Конечно, – Сюзанна достала спички и помогла ей прикурить, ладонью защитив пламя от ветра.

- Как вам фильм? – спросила девчонка.
На вид ей было лет 15, если не меньше.
– Ничего, – ответил Фил.
– Пошли с нами, – предложила Сюзанна, – у нас дома есть кино покруче.

Добираться до кладбища следовало разными путями, чтобы «не протоптать себе дорожку».

Морриган помнила это правило, пробираясь сквозь мёртвый осенний лес. Солнце уже готовилось сброситься с обрыва в реку, орошая кроны деревьев красноватым жидким светом.

Всеми силами она прогоняла от себя страх – негоже чёрной ведьме бояться темноты и неизвестности. Если сделать всё правильно, то тонкий мир не причинит вреда. Сила несовместима со страхом. В конце концов, мёртвые и так твои друзья.

Кто-то бесшумно шагнул к ней на встречу по остаткам гранитной мостовой, поросшей густым мхом. Незнакомая фигура остановилась перед ней в метрах трёх. Чёрный плащ типа тех, что носили инквизиторы, струящийся газообразный щёлк. Белые руки, униженные браслетами, медленно стягивали с лица капюшон. То, что было под ним, оказалось страшнее голого черепа или безобразной звериной морды. Морриган увидела своё собственное лицо, искажённое надменной улыбкой.

Она не растерялась, она назвала себя по имени.

– Что ты хочешь узнать? – отвечало нечто её же собственном голосом, который непривычно резал слух, словно диктофонная запись. – Просто чувствуй силу, собирай силу. Расправь ладони. Ты найдёшь все ответы на своём пути.

Морриган-призрак, накинула капюшон и растворилась в вечернем мороке. Этот кошмар наяву был страшнее всего увиденного в анатомичке. Пальцы до боли вжались в ладонь, вспомнив про концентрацию, Морриган обуздала свой страх, двигаясь дальше.

«В мёртвых огромная сила, – вдруг зазвучал у неё в голове тот самый знакомый-незнакомый голос. – Они там, лежат в земле целую вечность, им скучно. Там нет душ, там только фантом того, что было при жизни. Если правильно попросить, то он сделает для тебя всё. Если захочешь, то ты можешь убить своего врага. Только попроси, и они заберут его с собой»

Мир проплывал вокруг удивительными красками. Стгущающаяся тьма завораживала, множество огней проносилось перед глазами, они витали в воздухе, словно светлячки или далёкие звёзды. Морриган продолжала свой путь под звуки голоса над ухом:

«Но не только в смерти сила твоя. Хочешь избавиться от печали? Они помогут тебе закопать её, похоронить в глубине своего королевства. Хочешь обрести любовь – укажи на любого мужчину, мертвецы обуяют его сердце лютой тоской, и одна лишь ты станешь для него светом во тьме».

Она не заметила, как миновала ворота старого кладбища. Город мёртвых; вереница домов-склепов, огороженных ржавыми оградами, скульптуры ангелов с незаживающими дорогами трещин-слёз. Покосившиеся кресты и заросшие надгробия «бедных кварталов» города скорби выглядели менее помпезно, зато добавляли зловещести этому месту.

Но не мёртвых следовало бояться. После того, как в восемь часов вечера гасли огоньки старой протестантской церкви, в некрополе закипала своя ночная жизнь. Здесь по ночам часто бродили бездомные, подъедая остатки поминальных пирогов, допивая скисшее вино, оставленное для пира душ. Они жгут костры в старых склепах, уходят глубоко в катакомбы, будто заранее привыкая к земле и могильному холоду. Бродяги – не самые страшные из живых обитателей погостов; кладбище – идеальное место для бандитских разборок и незаметной утилизации человеческого мусора.

Взошедшая луна озарила кресты и могильные плиты своим серебристым светом; словно вычерченные мелом на обгоревшей стене ночной мглы, они сияли впереди бесчисленными росчерками. И там, среди царства света и тени, мелькал одинокий силуэт. Чем ближе Морриган приближалась к этому месту, тем ярче и отчётливее становились контуры пляшущего на надгробиях тела. Кто-то тонкий и ловкий буквально парил с могилы на могилу, и его лохмотья вились на ветру словно крылья.

Морриган притаилась возле мраморного склепа, наблюдая за диковинным танцем неведомого существа. Казалось, словно рога его мерцают в свете луны, зеленью малахита горят глаза и сияют тонкие белые иглы зубов. Закончив танец, существо устало прямо на неё. Между ними оставалось метров пять гнетущей темноты.

Морриган прогнала страх и выпрямилась в полный рост – негоже чёрной ведьме бояться мелкого погостного беса, пусть даже так отчётливо представшего перед ней.

– Будет ли мне помощь в делах моих?! – крикнула она, не узнавая собственного голоса.

Морриган вытащила из сумки бумажный пакет с яблоками и, держа его на вытянутой руке, протянула чёрту. Он подскочил к ней в одно мгновение, выхватывая дары. Секунда – и он уже сидел на крыше склепа. Она не видела движение, лишь почувствовала ветер.

– Нет, – сказал чёрт неожиданно низким и глубоким голосом, звучащим словно из-под земли. Его острые, как иглы, зубы впились в бок плода.

Морриган вздрогнула раньше, чем надкушенное яблоко пролетело мимо неё, разбившись о памятник.

– Если бы мог – убил бы, – сказал чёрт, сверкнув на прощанье глазами...

Марк

Утро – начало каких-то чудесных свершений, нового дня. Что в этот момент делают обычные люди? Встают утром, наливают кофе, надевают чистые рубашки, садятся в машину и едут на работу. Я всё думал о том, что делали люди раньше. Просыпались с первыми петухами, завтракали вчерашним хлебом и шли работать в поле. До самого вечера. И так день ото дня, пока не помрёшь лет в 30 от холеры. К чему это я? Не знаю. Просто к тому, что я проснулся и понял, что ничего делать не надо.

На меня таранился призрак очкарика из магазина, тот самый, причиной чьей смерти послужил я и мои друзья. Прежний я снова испугался и схватил бы бесполезное ружьё. Новый я воспринимал всё, как должное.

– Расслабься, чувак! – сказал я ему. – Ты умер, зато тебе не надо на работу. Не этой ли свободы ты хотел? Можешь спокойно ходить где угодно и глазеть на сиськи в женских раздевалках.

Снег повалил с неба как гусиный пух из простреленной подушки, прикрывая срам голых деревьев и борозды замёрзшей грязи во дворе. Снег припорошил кучи мусора, коробки и остов старого «Форда». Превратив упаднический осенний пейзаж в зимнюю сказку, словно сошедшую с рождественской открытки.

Я вспомнил, что мы пропустили День Благодарения. Вот только кого и за что благодарить? Индейцев, которых потом вырезали? Впрочем, мне без разницы, я не хиппи, чтобы размышлять об этом.

Это вторая моя настоящая зима. В Калифорнии, в пригороде Сакраменто, где я прожил почти всю жизнь, снега не было отродясь. Впервые вступил в белую липкую кашу я только прошлой зимой на Острове. Не сказать, что снег мне понравился. Поначалу всё кажется интересным, но я порядком устал созерцать его четыре с половиной месяца. Глаза щемит от белого,

тело ломит от холода. Многое переосмысливаешь в этой вечной мерзлоте, но за 18 лет я порядком устал от жары, потому и двинулся на север вдоль западного побережья.

От размышлений меня отвлекли вихри метели в саду. Там вместе со скрученными сухими листьями и колючей снежной пылью танцевал тёмный силуэт. Было непонятно, управляет ли он метелью или же она властна над ним. Но вот он был куда более материальным, чем все призраки, увиденные мной ранее.

Я вышел на крыльцо, натягивая пальто на ходу. Метель валила с ног.

– Кто ты, чёрт возьми, и что ты делаешь в моём саду? – спросил я.

– Да что с тебя взять?! – услышал я ответ.

В тот же миг видение растворилось. Сплюнув под ноги, я отправился досыпать свой морозный утренний сон. Кажется, я до сих пор не в себе после вчерашнего.

Джон Доу

«Мир страшный, злой и жестокий», – эти же слова я говорил себе года два назад, валяясь перед телевизором с жуткой абстиненцией. Руки тряслись, пиво с жадностью вливалось в больной пищевод.

– Ёбаный ты в рот, им мало Вьетнама, им нужно мериться ракетными хуями с русскими! – кричал я, обращаясь к Рейгану.

– Что опять? – отозвалась жена из кухни.

– Мне страшно жить, ёб твою мать! – ответил я.

– Лучше бы ты подумал о том, что тебе стоит меньше пить.

Во мне опять вскипала злость, я ненавидел эту фразу больше всего на свете. Она же, как никто другой знала, почему и зачем я пью.

– Я музыкант, я слишком тонко чувствую этот мир. Мне больно, когда больно всей планете.

– Ты не писал ничего уже полгода, – сказала она с упрёком.

Я допил пиво одним глотком и кинул пустую бутылку об стену. Узел нарастающей злобы распустился, и я смог спокойно вздохнуть.

– Я коплю эмоции. Я переосмысливаю своё творчество. Я прихожу к мысли, что весь угар нашей эпохи связан напрямую со страхом неминуемого конца. Люди тратят деньги, пьют и нюхают кокаин, как не в себя, всё потому что знают, что будущего нет. Завтра кто-то нажмёт на кнопку и ничего не станет. Какая разница, кто это сделает? Мы или они.

А очень скоро не стало жены... не стало и лучшего друга. Эти два человека были со мной всегда, и вот, я один на целой планете. Кто же знал, что Конец Света наступит без всякого ядерного взрыва... И не нужен был мне мир во всём мире, долбаный этот хипповский love & peace, мой мир состоял из моих близких людей.

Марк спустился в гостиную ближе к полудню, почувствовав запах свежесваренного кофе. На продавленном диване сидели Йон и какой-то тип.

– Это ещё кто?! – выпалил Марк, зная о правиле не приводить незнакомцев в Дом.

– Знакомься. Это Козерог, – ответил приятель, высыпая печенье в хрустальную вазу. На подносе красовался расписной кофейник с ароматным утренним зельем.

Тип выглядел странно: козлиная борода, надбровные дуги как у неандертальца, запавшие глаза, мокрые от дождя длинные русые волосы. Он даже не удосужился снять шапку и перчатки. Типичный наркоман из тех, что ошииваются в доках.

– Привет, Ржавый! – усмехнулся тип своим низким скрипучим голосом, похожим на звук несмазанных петель.

– С херали это я Ржавый?! – бросил Марк.

– Ты тут самый рыжий, – усмехнулся он.

– Я светло-каштановый.

Из-за двери выглянул Рух:

– Ух ты, Ржавый, теперь так и будем тебя называть.

– Да пошли вы в жопу оба, – Марк присел на диван, стараясь держаться подальше от Козе-рога, которого про себя окрестил просто «Козлодой».

– И в честь чего же у нас гости? – спросил Марк. – Вы же сами мне запрещали приводить сюда кого-то.

– Хм, – выдал Йон, – Дом Потерянных должен пополняться время от времени. – Если бы здесь не появились вы с Доу, стало бы слишком скучно. Так, что знакомься, он теперь один из нас. Он тоже пропавший.

Марк тяжело вздохнул, понимая, что всё хреновое ещё только начинается.

Морриган

«Труп неизвестной

Пол: Ж

Возраст: Примерно 16—17 лет

Белая

Волосы: чёрные крашенные

Глаза: серые

Дополнительно: на спине татуировка с изображением крыльев. Старые порезы на запястьях.

Причина смерти: потеря крови. Рваная рана на шее со следами, напоминающие человеческие зубы» – Морриган закончила заполнять документацию и удалилась на обед.

«В крови ударная доза алкоголя, возможно токсикология подтвердит и наркотики», дописала она карандашом на краю бланка.

«Какая-то девчонка из этих готов попала в руки очередному психопату. И стоило ли скитаться вечером, пить виски, удалбываться амфетамином, чтобы закончить свою жизнь в мусорном контейнере возле фабрики? У семнадцатилетних нет будущего. Им уже нечего дать этому миру. Или может быть, мир ничего не может дать им? Кто бы ни был этот загадочный убийца, он любит молодых и симпатичных подростков, невзирая на пол»

В кафетерии судебного морга царил будничная атмосфера. Девочки из лаборатории делились свежими сплетнями, все знали, что Рейчел выходит замуж, что двух ночных санитаров увольняют за пьянство на рабочем месте, никаких тебе циничных разговоров о растёкшихся мозгах и обгоревших трупах. Вне работы все жили обыденной жизнью.

Морриган ковырялась вилкой в яичнице с беконом. Вспоминая школьные годы, где точно так же сидела одна в столовой, без малейшего шанса завести друзей, только теперь подобное общение мало прельщало её. Мир живых оставался рутинно-скучным, по сравнению с полным загадок миром мёртвых. Они были на её основной работе и на нелегком пути колдовства. Познавая смерть – ты научишься жить по-настоящему и дышать полной грудью и не только потому, что каждый твой вздох может стать последним. В смерти власть над жизнью, она ключ ко всем дверям.

Она забылась, погрузившись в книгу в комнате отдыха персонала, было бы проще отлучиться от реальности каким-нибудь любовным романом или классикой британской литературы, но никак не документальной книгой про женщин-убийц.

– Думаешь стать детективом? – спросил вдруг внезапно появившийся ассистент-Джим. Они изредка болтали во время работы, с ним приходилось налаживать контакт по долгу службы. Такая вот досадная необходимость социализации в обществе.

– Нет, хочу начать убивать и думаю, как именно поступить: наполнять ванны кровью как Эржебет Батори или сразу переехать толпу старпёров грузовиком как Ольга Гепнарова, – усмехнулась Морриган.

– Про последнюю, кстати, не слышал, – Джим присел рядом на диван так близко, что Морриган показалось, что он желает подкатить к ней. К тому же на его лице заиграла фальшивая заинтересованность.

– Интересный персонаж для судебной психиатрии. Да и вообще обществу нужно больше подобных примеров. – Морриган перевернула страницу. – Сейчас даже процитирую её признание: «Я уничтоженный человек. Человек, уничтоженный людьми... У меня есть возможность выбирать – убить себя, или убить других. Я выбираю – отомстить своим ненавистникам. Если бы я ушла как неизвестный самоубийца, это было бы для вас слишком легко. И потому что общество настолько суверенно, оно не способно судить себя само. Его судят в частном порядке, иногда оно бывает наказано, иногда только шокировано. Мой вердикт таков: я, Ольга Гепнарова, жертва вашего зверства, приговариваю вас к смертной казни через наезд и провозглашаю, что моя жизнь стоит множества других. Аста, non verba».

– Но не все же ботаны, которых травили бы в школе, начинали убивать. Большинство людей способны пережить свои детские комплексы.

– Ну, вообще, людям свойственно убивать друг друга, как не странно, это обеспечило выживаемость вида. Селекция генофонда. Звучит весьма в духе нацистов, но не сторонник современного гуманизма. Она взглянула на часы: – Работать пора, кстати. Arbeit macht frei.

Глава 3

Эстер вернулась в свой привычный, воняющий подгорелой кашей и слезами, мир церковного приюта. Старое, пронизанное обречённостью, здание окружило её привычными тюремными стенами. Вереницы дней складывались в узоры из мёртвых мух на подоконниках, осыпались пылью на пол. Весь воздух был наполнен этой пылью, возвращая на десять лет назад в воспоминания бессознательного детства. Чёрная, как катафалк, машина социальной службы привезла её к воротам, чтобы оставить гнить до самого совершеннолетия. Но сейчас Эстер не мучили жуткие воспоминания из детства, её переполнял гнев реальности. Отсидев два дня в камере карцера, вытерпев долгие часы воспитательных бесед и принудительных молитв, она наконец-то могла приступить к приютской рутине.

Всё то же самое: сёстры милосердия в своих чёрных хламидах, девушки-воспитанницы в безликих серых платьях с накрахмаленными белыми воротничками, уроки и молитвы, чёртовы уроки и молитвы... ничего не изменилось со времён её побега. Ожившие страницы из «Джейн Эйр».

Эстер шла по коридорам, озирая невидящим взглядом одинаковые серые фигуры. Завернув в женский туалет на третьем этаже, загаженный настолько, что даже надзирательница брезговала заглядывать сюда в поисках прогульчиков, Эстер достала из лифчика сигарету и закурила. На глаза попались несколько новых надписей красной помадой на зеркале, одна из них гласила: «Иисус мёртв», ниже уже другим почерком выведено: «Нет, он просто гей».

Дверь одной из кабинок отворилась и оттуда вышла Кейт – худая и бледная одноклассница, кажется, за время разлуки она ещё больше похудела и осунулась. Увидев Эстер, она чуть заметно повеселела:

– Надо же, кого черти принесли! – вскрикнула она, вешаясь на шею подруге.

– Лучше бы унесли подальше, – печально вздохнула Эстер.

– Где ты была? – девушка вцепилась в неё мёртвой хваткой. – Все говорили, что ты нашла себе богатого любовника или ушла в бордель.

– Заманчивые слухи, но всё было куда прозаичнее. Я ушла, куда глаза глядят, после той ссоры с матерью-настоятельницей. Меня встретил какой-то тип, он был художником, надо сказать, весьма посредственным, ему было где-то лет шестьдесят, если не больше, для меня все старше тридцати – уже прах...

– И вы с ним спали? – спросила Кейт, переходя на заговорческий шёпот.

– Слава Богу, нет. Его сарделька протухла и разложилась. Так что, с технической точки зрения, я до сих пор невинна. Потом он умер... я ступила и позвонила копам, думала, успею скрыться, прихватив что-нибудь, но не судьба...

Эстер не успела договорить, как прозвенел звонок. Этот глубокий гулкий звук, разрывающий небеса, вторгся в небогоугодный разговор.

– Чёрт, если меня не досчитаются на вечерней молитве, мне крышка! – сказала она, выбегая из уборной вместе с подругой.

Когда стемнело и заговорческие рожки луны показались из-за туч, девушки покинули корпус через окно в подсобке и устремились вперёд к свободе. Туда, где их берегла кладбищенская тишь. Сразу на холме за приютом начиналось старое кладбище. Здесь, в полуразрушенном склепе, можно было развести костёр и спрятаться от вьюги.

– Я прихватила вино для причастия! – Эстер вытащила из-под плаща бутылку паршивого кагора.

– Всегда удивляюсь, как тебе это удаётся, – улыбнулась Кейт.

Они пили вино, сидя на старых досках. И пели песни. Звонким девичьим голосам подпевала вьюга.

– Я тебе кое-что не сказала, – начала Кейт, смахивая пьяную слезу. – Пока тебя не было, многое произошло, а сейчас я беременна.

Она выпалила эти слова и разревелась. Это повергло Эстер в шок:

– Почему ты не сказала об этом сразу?

– Потому что... я сама не сразу поняла, не сразу поверила, не сразу смирилась, – сказала она, чуть-чуть успокоившись.

– Как это вообще произошло?! Ты же всё время была в приюте. От Святого Духа что ли?!

Кейт опорожнила вино одним глотком и поставила бутылку на грязный пол склепа.

– К нам приезжал Отец Александр. Я сразу что-то недоброе заподозрила в нём на этот раз. Он так пристально на меня смотрел на проповеди, что я почувствовала себя голой. Он велел мне подойти к нему на исповедь. И вот мы остались одни в исповедальне, он расспрашивал меня о плотских желаниях, он спрашивал, трогаю ли я себя, спрашивал, терзают ли меня демоны по ночам. Я врала, как могла, но он настаивал на своём, он говорил, что я грешна. Тогда он вошёл в кабинку и прижал меня к стене, он сказал, что ничего страшного, что все старшеклассницы делали с ним это и даже монашки, что им это нравилось и ничего страшного, если помолиться потом, он отпустит все мои грехи... И я бы не сказала, что это было изнасилование. Он молодой мужчина, а я даже ни разу не целовалась раньше, когда он взял меня, мне даже почти не было больно. Но я не знаю, понравилось мне или нет. Три минуты небытия, а потом жуткое чувство стыда. Мы помолились вместе, и он отпустил мне грехи.

– Ну он охренел в край! – разозлилась Эстер. – Неужто Господь запрещает контрацепцию?!

Эстер всё понимала, понимала, что жертвы порой склонны оправдывать своего насильника, склонны очернять себя. Она обняла Кейт, её маленькое тело дрожало под одеждой.

– Я что-нибудь придумаю. Я постараюсь помочь.

– Но у нас же нет денег на аборт, тем более, как скрыть это?!

– Я слышала об одной старухе, к ней бегают монашки. Она ведьма или что-то около того. Завтра постараюсь разузнать больше. Ты только не паникуй. Я продам свой золотой крестик, это единственное, на что сгодится Бог теперь.

Луна скрылась за тучами, заскрипели ветви мёртвого леса и откуда-то с моря повеяло гнилью. Эстер взглянула на небо, где сияла лишь одна зеленоватая звезда, ей вдруг вспомнилось, как старый придурок любил коверкать её имя, говоря «Звезда Иштар».

В вышине играли и переливались звёзды. Догорали огни ночного города. Джону понадобилось несколько мучительных секунд для осознания того, что он лежит на асфальте в грязи и подтаявшем снегу.

– Эй, кто ты? Ты хотя бы имя свое помнишь? – послышалось откуда-то сбоку.

– Джон Доу, – выпалил он, в голове гудело как после контузии.

– Это хорошо, дружище, если никто не знает твоё имя, то тебя некому отпеть. Дай руку, чувак, нечего лежать в канаве, если ты не труп.

Джон ухватился за руку в кожаной перчатке. В голове мутило, он пытался поймать в фокус своего условного «спасителя».

Этот высокий силуэт, чёрные вьющиеся волосы и солнечные очки в любое время суток – нечто такое далёкое из каких-то забытых кошмаров.

– Мне кажется, я где-то тебя видел? – сказал Джон, потирая переносицу.

– Эх, ты даже не знаешь, насколько часто. Я вижу, ты любитель приколоться по веществам и суицидам. Сколько жизней мне с тебя списать на этот раз?

Джон нашарил в кармане смятую пачку сигарет и, прислонившись к стене, закурил. В канаве дымился покореженный мотоцикл.

– Ну, вот так всегда, утром угоняешь возле байкерского бара свежий Харлей, к вечеру он становится грудой металлолома, – вздохнул Джон, сплёвывая в снег кровавую слюну. – Я не ошибся, ты же Смерть?

Незнакомец в чёрной шляпе хотел уже что-то возразить, но понял, что отпираться бессмысленно.

– Я знаю, – сказал Джон, выдыхая дым окровавленными губами. Он был блаженно пьян. —

Каждый раз перед встречей с тобой у меня в голове играет та самая песня «Blue Oyster Cult». Словно Бог ставит на небесах пластинку, как идеальный саундтрек для ухода.

– Встреча со мной не главное, – Смерть тоже закурил, – Попадёшь вот на стол судебного морга, встретишься там с шикарнейшей женщиной, но ничего уже не сможешь.

Джон рассмеялся, расплёскивая кровь из разбитого рта.

– Ха, чувак! Я и после смерти смогу, – он хлопнул Смерть по плечу.

Неровной походкой, он прошёлся по грязи, туда, где припарковался чёрный катафалк. Дёрнул ручку двери и запрыгнул на пассажирское сиденье. Смерть опешил от подобной наглости.

– Подвези меня домой, – сказал Доу.

– Мой катафалк не для живых.

– Погнали. Тут недалеко. У меня бутылка трофейного виски ещё жива! – в доказательство Джон достал из-за пазухи целёхонькую бутылку «Джека». – Сам разобьюсь, но бухло спасу!

Смерть нажал на газ, поражённый ослепительной наглостью Джона Доу.

Эстер брела сквозь рассветный лес. Оцепеневшее от ужаса тело почти не чувствовало холода. Кровавая корка покрывала её руки и платье. Такими же багряными были лучи восходящего рождественского солнца. Сегодня родился Христос, сегодня Кейт уже никогда не проснётся... Она будет вечно лежать там, под старой сторбленной елью, куда Эстер со старухой отволокли её после неудачной процедуры выскабливания эмбриона.

Утром перед операцией в её глазах было столько страха, боли. Ещё там брезжила искра надежды, что когда-нибудь всё будет иначе. Кейт даже начала улыбаться, когда они шли вместе по лесной тропе прямо к дому старухи.

Приглушённый свет, стойкий химический запах, полнейшая антисанитария.

Она велела снять нижнее бельё и лечь на грязный стол. Затем достала свои зловещие инструменты, напоминающие орудия пыток: гинекологическое зеркало, маточную кюретку в виде заострённой металлической петли и вытянутые щипцы. Никакой анестезии «операция» не предусматривала, только рюмка отвратительного бренди для храбрости. Старуха продезинфицировала инструменты спиртом и огнём по старинке.

– Я прочту молитву? – спросила Эстер скорее для успокоения Кейт, нежели взаправду веря в облегчение её участи.

– Не стоит, – перебила её старуха. – Пусть молится 40 ночей подряд в церкви в круге из соли и обходит все детские могилы с подношениями.

Дальнейшее Эстер помнила смутно... Иногда подводит даже рука мастера с многолетним опытом, как и в этот злополучный раз. Ошметки плода упали в таз вместе с потоками крови... Однако крови становилось всё больше и вот она уже стекала на пол, просачиваясь сквозь грязные доски. Старуха пыталась остановить кровотечение травами и компрессами, однако, что там народной медицине до разрывов внутренних органов. Эстер пыталась помочь, пока не поняла, что всё отныне бесполезно и глаза Кейт заволокла пелена безразличия и смерти. Вот так вот умирать в Сочельник.

Старуха накрыла её тело покрывалом, которое тут же окрасилось в красный. Сколько там в человеке литров? Шесть или семь? Она, казалось бы, вытекла вся до дна, как пустой сосуд, лишённый сока и жизни. Высушенная шкурка души.

У каждого врача в душе есть своё маленькое кладбище. У горе-повитухи это кладбище было самым настоящим. И ни крестов, ни надгробий, только ветер шумел в ветвях погребаль-ные молитвы. Эстер бросилась бежать подальше от этого проклятого места, где мёрзлая земля приняла тело Кейт и её нерождённого ребёнка. Это существо так хотело жить, что выпило все соки из собственной матери, утащило её за собой в загробный мир.

Инстинкты твердили Эстер, что нужно спасти собственную жизнь. Если здесь будут копы, то она автоматически станет соучастником. Сквозь ночной туман она видела чёрный силуэт Жнеца, и на миг проглянувшая луна блеснула на лезвии его косы. Так же зловеще блестя инструменты повитухи в импровизированной операционной.

И только сейчас на рассвете, облокотившись о дерево, Эстер смогла перевести дыхание. Жалко ли ей Кейт? Оплакивает ли она её? Эстер не могла найти ответы на эти вопросы... всё, что она чувствовала – это страх и отвращение перед лицом смерти. Тянуло плевать от застывшего в ноздрях запаха крови, но слипшиеся голодные внутренности держали всё в себе. Кейт навсегда осталась в её памяти куском плоти с развороченными гениталиями.

Она посмотрела вверх, где почти уже встало солнце, кроны деревьев над головой закружились в диком танце. Последнее, что она слышала – это стук топора на опушке, отдающийся пульсацией в виски.

– Где мёртвая монашка? Да что ты гонишь?! – раздавались где-то вдалеке голоса.

– Да она живая, просто вся в крови. Мы должны взять её к себе.

– К нам нельзя девчонок. Ты помнишь?

Эстер приоткрыла глаза, теперь она лежала на чем-то твердом, и над ней проносилось бескрайнее голубое небо. Её куда-то везли на санях.

– Только не звоните копам, – прошептала она и снова отрубилась.

Она рывком пришла в себя, слабо соображая, где находится. Рядом с ней на продавленном диване сидел какой-то белобрысый взъерошенный тип. Он расплывался в странной улыбке.

Эстер не поняла, как схватила нож для масла с кофейного столика и занесла перед его лицом.

– Где я, чёрт побери?! – закричала она. – Думаешь меня изнасиловать? Я быстрее тебе яйца отрежу!

Резким движением он перехватил её руку и аккуратно завладел ножом.

На шум прибежали остальные трое. Приглядевшись, Эстер поняла, что они выглядят как панки или металхэды, стрёмные подростки, от которых монахини просили держаться подальше. Длинноволосые в грязной и рваной одежде, с множеством браслетов и цепей, как и те компании, что собираются порой на кладбищах и пьют дешёвое пиво.

Однако она поняла, что они представляют собой куда меньше вреда, чем городские банды.

– Почему все вечно пытаются меня убить? – спросил Джон, размахивая отобранным ножом.

– Но ты же труп, это логично! – ответил Рух.

Джон потёр рукой лоб:

– У меня адский бодун, а вы тащите сюда всяких оголтелых баб.

Эстер застыла, наблюдая за диалогом.

– Ой, бабицца тоже ржавая! – выдал появившийся в дверях ещё один персонаж бомжеватого вида.

Тот, который выглядел самым младшим, сделал шаг вперёд и остановился перед ней.

– Теперь тебе придётся остаться с нами... ты знаешь о Доме Пропавших, ты теперь одна из нас.

Эстер поморщилась, разглядывая свои покрытые коркой руки и застывшую под ногтями запекшуюся кровь.

– А если я захочу уйти? – спросила она неожиданно.

– Тебя никто не держит, но захочешь ли ты туда. Насколько я знаю, у тебя проблемы с законом, – он особенно выделил слово «проблемы», так что Эстер показалось, что он знает о её делах всё.

Ей было не по себе от пронзительного взгляда этого парня, который представился Йоном. Кажется, он даже младше самой Эстер, но в его глазах есть какая-то холодная сталь. Он знал что-то, что ей было неизвестно. Она не могла его послушаться, она не могла ему перечить. Эстер лишь тяжело вздохнула, понимая, что должна остаться с этими людьми в этом проклятом доме. Мысли о смерти Кейт отошли на второй план, кто-то стирал, как старую плёнку, её прошлые переживания.

Эстер гордо подняла голову и сказала:

– Я хочу помыться, переодеться в чистое и спать! – все кивнули и разбрелись по углам.

Дом, несмотря на исключительно мужское население, показался ей чистым и уютным. Даже никаких волос в сливе и плесени в ванной.

Эстер стояла у зеркала в чужих мужских джинсах и свитере. Какой же это кошмар! Спасибо, хотя бы, что чистое. Надо срочно раздобыть денег и купить себе всю эту одежду из модных журналов, о которой она могла только мечтать в приюте. Боже! И о чём только её мысли, после всего пережитого? Это словно защитная реакция психики на весь произошедший кошмар; пережив смерти подруги, попав в логово каких-то наркоманов, она стояла перед зеркалом и мечтала о новых шмотках..., а ещё о том, что надо бы сделать завивку и купить косметику.

У дверей ванной она встретила рыжеволосого парня, тот опешил, столкнувшись с ней взглядом.

– Ты что, подглядывал за мной? – выпалила Эстер.

– Вовсе нет! – замялся он, – Я просто хотел поздравить хоть кого-то с Рождеством.

– А, ну и тебя туда же! – хмыкнула она. – У вас есть свободная комната, желательно, чтобы она закрывалась на ключ?

Он кивнул:

– Меня, кстати, Марк зовут, но все зовут меня теперь Раст или Ржавый.

– Очень мило, – с сарказмом ответила она.

Комната оказалась весьма пёстрой, оформленной в старушечьем стиле, напоминающая кабинет гадалки-шарлатанки: красные портьеры, большое зеркало, комод и кровать с балдахинном. Здесь приятно пахло маслами и благовониями. Очевидно, кто-то постарался создать подходящую, на его взгляд, атмосферу.

– Мы сюда почти не заходили, – сказал Марк Раст. – Тут всё какое-то слишком бабское, что ли.

Эстер вздохнула – после приюта всё сойдёт.

Из магнитолы раздавались скрипучие звуки. Кажется, Джон называл такое смерть-роком или что-то в духе того. Говорят, от такого музла торчат только вампиры и подражающие им

школьники. Марк объезжал окрестности на старом Кадиллаке в компании Джона. Несмотря на надвигающийся вечер, он прятал глаза за чёрными очками-авиаторами.

– Мне что-то кажется, что ты начал оживать, а то всё время, что я тебя вижу, ты молчишь или бродишь один по лесу, – произнёс Марк.

– Оживаю? Ну-ну, – Джон на секунду снял очки.

– Ты раньше вообще ни с кем не разговаривал, только и держался в стороне.

– Это потому что я бухать больше стал, – он достал из кармана флягу с виски.

Марк решил сменить тему.

– Как тебе тёлка? Ничего такая.

– Поверь мне, от баб одни проблемы, – вздохнул Джон. – От малолетних, тем более.

– Притормози у магазина. Я хочу ей чего-нибудь прихватить.

Джон остановился, прошипев что-то в духе: «тупые малолетки».

Глава 4

Смерть

В христианском аду жарко, ведь на заре времён, там, посреди палестинской пустыни, люди не могли представить для себя кошмара страшнее, чем вечный жар. В скандинавском аду холодно. Что может быть страшнее обжигающего мороза для викинга? А в греческом аду просто скучно. Все представляют ад по-разному, и лишь буддисты убеждены, что ада нет, кроме того, что рядом.

Кто-то спросит меня, куда все попадают? Я и сам с трудом найду на это ответ. Наверное, сюда, на этот треклятый остров.

Эстер

– Эй, не выкидывай бутер! – сказал Джон мне, когда я склонилась над мусорным ведром с куском надкушенного сэндвича с индейкой.

– Он же протух по ходу, – сказала я.

Он забрал у меня недоеденный сэндвич, слегка коснувшись моей руки.

– На самом деле, я никому не говорил, но люблю слегка испорченную еду, – он подмигнул мне из-под налаченной чёлки. – Это как воспоминания о голодных годах в Л. А. Словно я всю жизнь теперь пытаюсь вернуть вкус протухшего буррито с Сансет-стрип.

Он проследовал по кухне, слегка покачиваясь, и присел на край стола. Я заметила перемены в его внешности и поведении за эти сумбурные сутки, проведённые мной здесь, в логове Пропавших. Он выглядит более вызывающе, чем в нашу первую встречу, когда я хотела кастрировать его тупым ножом. Стал налачивать волосы и подводить глаза, как те гламурные рокеры из Лос-Анджелеса. Он даже начал казаться мне немного ничего. Я поняла это, когда наши глаза встретились на короткий миг. Да нет, он всё ещё уёбок. Тем временем, Джон продолжил свою тираду, истекая кетчупом и майонезом:

– Мы всегда хотим вернуть вкус первого раза: первой сигареты, первого поцелуя, первой дозы... Только это всё неуловимо, как погоня за лепреконом.

Он поднял на меня свои потухшие глаза в ореоле густой чёрной подводки. Я вдруг задумалась, а сколько ему лет? Наверное, где-то почти тридцать. Совсем старик.

– Ты ведь понимаешь, о чём я? – спросил он.

– Не очень, – ответила я.

– Я не знаю, хули я разоткровенничался, – его плечи вздрогнули, словно от резкой боли. – Я почти год молчал. Не просто быть собой среди долбоёбов... А они именно что – долбоёбы. Никто не знает, от какого глобального пиздеца я бегу.

Джон как-то трагически закатил глаза и полез в холодильник.

– Мне надо выпить. Ты хочешь пива? Прости, у нас нет пива для тёлок. Я не знаю, какое пиво пьют тёлки. Я ваще, кажись, уже ничего не знаю.

– Ну ладно, давай.

Мы сидели на диване в гостиной и вели совершенно бессмысленные разговоры. Чем больше мы пили, тем больше он начинал мне нравиться. Но я не знала, что делать с собой. Я насмотрелась на чужом опыте, до чего доводит сближение с мужчинами, а проще говоря, ебля. Но ведь то, чего боишься, начинает тебя в конечном счёте притягивать. Я уткнулась щекой в его плечо, больше в шутку, конечно. Мне было приятно ощущать этот запах животного вперемешку с дешёвым спиртовым лаком для волос. Кажется, теперь Джон для меня будет пахнуть именно так.

В гостиную вошёл Раст. Увидев нас, он хотел было что-то сказать, но запнулся на полуслове. Лишь накинул капюшон куртки и хлопнул входной дверью. Наша сцена, должно быть, смутила и обескуражила его.

Не знаю, сколько пива я выпила, но воспоминания недавней ночи снова возникли в памяти, и приятный запах хаэрспрея снова сменился в моём сознании запахом крови. Я глубоко вздохнула и спросила, есть ли виски.

– Тебе не рановато ещё пить виски? – спросил Джон.

– Сейчас уже пять вечера, – ответила я.

Он достал бутылку дешёвого бурбона. Посетовал на то, что кола закончилась, но мне уже было всё равно. Я пила виски прямо из бутылки, чувствуя жар его адского пламени, что поглотит меня рано или поздно. Если есть где-то ад, то он полон виски, так же неистово жжёт и сушит. А если где-то есть рай, то он тоже, должно быть, состоит из виски. И если ты захочешь посмотреть в глаза чудовищ, то достаточно просто заглянуть в зеркало рано утром, пока ты ещё не надел человеческую маску.

– Если снять с себя всё наносное и приобретённое в обществе за годы воспитания, то кем мы станем? – спросила я сама у себя...

– В детстве я однажды съел мамашину конфетку с ЛСД. С тех пор я, кажется, всё понял, – ответил Джон невпопад. – С тех пор всю жизнь пытаюсь очистить мозг, чтобы стать настоящим. А где ты настоящий, кроме как на смертном одре, когда бояться уже нечего и не перед кем позёрствовать, и врать бессмысленно? Учёные синтезировали гормон, который вырабатывает во время смерти. Говорят, это мощнейший психоделик, но мне так и не довелось его попробовать. Оставалось довольствоваться своими естественными смертями, которых на моём веку хватало.

Меня до жути клонило в сон, и он это видел:

– Пойдём, я отведу тебя наверх.

– Нет.

Мы стояли на лестнице, и всё плыло перед глазами. В душе поднималась волна эйфории. Я вдруг до безумия захотела его поцеловать, но вместо этого лишь ударила лбом о его подбородок. Он прошипел, придерживая меня за плечи. Джон буквально волоком оттащил меня в комнату и оставил на пороге.

– Спокойной ночи, Иштар! – сказал он. – У меня тут ещё дела, надо в город сгонять, а ты спи.

– Спокойной ночи, Труп, – ответила я.

Марк

Появление рыжей монашки однозначно всколыхнуло наше сообщество. Мы практически не думали о тёлках, не делились своими успехами или провалами, как это обычно бывает в мужских компаниях. Кажется, я разучился нравиться и притягивать к себе девчонок, как это бывало раньше.

Дома всё было иначе. Вот я с парнями из класса тусуюсь на трибунах возле школы. Орёт магнитофон. Мы курим косяк марихуаны по кругу. Мимо нас проходят они – холёные киски из приличных семей, их влечёт к нам, бродячим собакам. Всегда просто, когда не надо ничего говорить и делать. Ты звезда в своём захолустье, антигерой, в противовес мальчикам из футбольной команды.

Вместе с приятными воспоминаниями из мирской жизни, потянулся и мой главный провал – Аманда, та ещё манда, надо сказать. Мы вместе на выпускном, не король и королева школы, конечно, скорее серые кардиналы. Все смотрят на нас. Цветы в её волосах перелива-

ются в свете софитов. Она не знала, что я хожу курить марихуану в женский туалет и решила, что это прекрасное место, чтобы уединиться со школьным уборщиком-ниггером. Я видел их ноги, торчащие из-под двери, где она становилась на засанный пол коленями, обтянутыми в белые чулки, чтобы ублажить его ртом. Меня стошнило в раковину от выпитого виски и отвращения к той, кого я целовал пятнадцать минут назад. Потом стоял посреди зала под песню «Ufo» – «Beladonna», когда Минди подошла, чтобы поцеловать меня. Цветы в её волосах завяли. Красная помада размазалась по щекам. Я отвесил ей пощёчину, но никто так и не понял, в чём было дело. С тех пор я ненавижу эту песню.

А сейчас я выгреб заначку отправился пешком в город. Захотелось вдруг вдохнуть немного жизни, от которой я убежал. Чуваки иногда говорили про клуб со странным названием «Лимб», в котором порой проходят рок-концерты. Я отправился туда с желанием послушать местные группы и тщетной надеждой кого-то подцепить.

Зимой городская часть острова казалась куда менее мрачной, чем в остальное время года. Ещё не успели отгореть рождественские гирлянды, грязный снег пестрел разноцветными конфетти. С моря веяло морозной свежестью вместо привычной вони. Центральные кварталы походили на внезапно застигнутый снежной бурей Новый Орлеан или Сан-Франциско, всё из-за этих почти кукольных домиков девятнадцатого века с не в меру изысканными балконами и портиками. Даже вблизи заброшенного рыбзавода город казался не таким мрачным и апокалиптическим как обычно. Миновав промзону, Марк нырнул в арку, увитую заледеневшем плющом. Холод, как естественное украшение мрачных улочек безумного города.

Рождественские праздники ещё не успели сойти на нет, а в «Лимбе» по ходу процветал вечный Хэллоуин. Мрачный пост-панковый бит и пляски бледных теней на танцполе. Их волосы напоминали сухой кустарник, а одежда – лохмотья пугало. Марк, одетый как металхэд, чувствовал себя чужим в этом логове готов. Какая-то унылая группа на сцене, вокалист поёт про свою асфиксофилию, как ему нравится душить себя и ласкать, как сладостно верёвка сжимает шею, как рядом сплетаются смерть и секс.

«У всех на уме один секс. Вы лепите его рядом с любыми вещами, тем больше опошляете их. Оставьте хоть смерть непорочной, раз уж мы рождены во грехе», – подумал он.

Марк пошёл к бару, возле него суетилась стайка подростков в чёрном. «Подумать только, здесь продают бухло, не спросив документы». Дома они частенько просили старших товарищей приобрести им виски или водку, как правило, все решали напиться перед походом в клуб. Он взял сразу два бокала тёмного пива, светлое в таких заведениях обычно полный шлак. Тощий длинноволосый бармен даже не поинтересовался документами Марка. Он сел за пустующий стол, спиной к сцене, происходящее там интересовало его меньше, нежели танцпол.

Движение теней в разноцветном свете софитов. Загробное диско. Ещё не ад..., а так, вполне себе лимб с некрещеными младенцами и иноверцами.

На него смотрела девушка с большими «египетскими», как окрестил их Марк, глазами. Она выглядела как все собравшиеся здесь, разве что её фарфоровая бледность почти светилась в темноте. Она смотрелась как-то дороже и изысканнее прочих девушек в этом заведении.

С ней сидел какой-то угрюмый тип с торчащими волосами. Причёски у них были практически одинаковые. Наконец, она встала, взяла свой бокал с чем-то красным и медленно направилась к Марку.

– Привет. Я вижу, ты здесь впервые? – спросила она, заглядывая ему прямо в глаза. Её зрачки светились, отражая иллюминацию клуба.

Марк покосился на мрачного типа.

– А твой парень не возражает?

– Мой парень?! – она рассмеялась, прикрыв рот рукой в длинной перчатке. – Ты что, это просто мой брат. Ты не видишь, как мы похожи?

Она опустила на стул рядом с Марком.

– Меня зовут Сюзанна, – сказала она, едва заметно облизывая трубочку коктейля.

– Точно, я понял, кого ты мне напоминаешь... Сьюзи Сью!

– Ох уж эти стереотипы, словно все девушки-готы похожи на Сьюкси, – вздохнула она. – А как тебя зовут?

– Ну, меня зовут Марк, друзья называют меня Раст за цвет волос.

– Люблю рыжих. В этом есть что-то необычное. В Европе их сжигали как сторонников дьявола. Потому это очень редкий ген в наше время. К тому же у тебя яркие глаза, это так необычно для рыжих.

– Ненавижу комплименты, – вздохнул Марк. – Не умею отличать их от сарказма.

Он посмотрел куда-то вглубь и увидел знакомый силуэт. Пергидрольный начёс Джона и его кожаную куртку со значками было легко узнать посреди чёрного марева клуба. Он беседовал с каким-то типом в шляпе. «Он-то здесь какими судьбами? Только хочешь отдохнуть от всех, как они снова нарисовываются в поле зрения». Пора было незаметно свалить.

– Тебе ведь скучно здесь, – сказала Сюзанна, понимая, что Марк уже слишком долго молчит, глядя в пространство. – Не нравится такая музыка? Может быть, пойдём ко мне? У меня большая коллекция пластинок, вино и не только...

Вздохнув, Марк согласился. Он так долго не общался с новыми людьми, что даже забыл, что это такое – быть у кого-то в гостях. Ещё сильнее он отвык только от женского общества...

Йон

Я счастлив, когда дома никого нет. Я счастлив, когда они все молчат. Рух и Козерог бродят по лесу в поисках ништяков. Девчонка напилась и спит. Раст с Трупом в городе. А я один в плане своих мыслей. Я не хочу, чтобы кто-то видел, о чём я думаю. Кто я для них? Посудомойка, полотёр, шестёрка, одним словом? Это моя роль, я играю её до конца. Я пеку вишнёвый пирог, это помогает отвлечься.

Никто не знает, что мне больше лет, чем кажется. Никто не знает, что я умею и чем обладаю. Никто не знает, что моё тело истрепалось, что я выпил из него все соки и сжёг себя изнутри. Я слишком много времени потратил на поддержание покоя в Доме Пропавших, я слишком долго прикрывал их шалости.

Если бы кто-нибудь видел мои запястья, то решил бы, что я суицидник. А я слишком долго кормил демонов. Слишком долго носил им жертвы. Вот и они снова снуют посреди пустоты.

Смотрят из темноты прямо мне в душу. Демоны знают кто я. Козерог изживает меня, я чувствую, что он один из них. Он никогда не снимает шапку, он прячет под ней рога.

Вены предательски ноют, твари из темноты жаждут моей крови. Медленно-медленно тупой нож вскрывает только что зарубцевавшиеся раны. Скоро вытеку весь, стану просто кровью на натёртых до блеска каменных плитах кухни. Я стану ещё одним призраком, но не сейчас.

Моя жизнь расписана по минутам: чем ближе смерть, тем увлечённо бьётся моё сердце. Люди боятся смерти, они не знают, что их ждёт, а я знаю всё наперёд. Я сто раз умирал... И вот теперь должна подойти к финалу моя роль. Я избрал себе иной путь, я разочаровался в брэнном мире человеческой плоти. Я спокоен как удав без нотки суицидальной истерии. Я много лет работал над исполнением мечты.

– Как жизнь? – спросил Смерть.

– Какой она может быть? – ответил Джон, опрокидывая в себя залпом полкружки пива.

Смерти показалось, что он хочет нырнуть в бокал целиком, утопиться в водовороте дешёвого хмеля и солода.

Смерть ощутил знакомую вибрацию в кармане. Эта пульсировала записная книжка, сообщающая о новых именах, а также новой работе. Она была живая, со страницами из человеческой кожи, где кровавыми царапинами проступали имена и даты. Джон с недоверием посмотрел на странный артефакт. Он прижал уши и втянул носом воздух, как пёс, поймавший след. Книжка выпала из рук Смерти и раскрылась на полу прямо перед Джоном.

Похоже, некоторые имена показались ему знакомыми. В его лице не осталось и тени опьянения. Он выскочил за дверь, забыв даже попрощаться.

«Пожалуй, я дам ему фору», – подумал Смерть, закуривая трубку. – «Всё в жизни можно исправить, кроме самой смерти».

Раст лежал на подушке, слушая как «Героин» сменяется «Венерой в мехах» «The Velvet Underground». Эта музыка была для него слишком заунывной, как и пресловутый готик-рок, но в сочетании с гашишем было сложно представить что-то другое. Гашиш навевает убийственную скуку и лень. Если уж говорить о наркотиках, то сейчас он бы выбрал что-то, что поможет взбодриться. Взять уже, наконец, себя в руки, убрать свою заторможенность и стыд, сорвать с этой девки платье и показать ей, кто в доме хозяин. Но она сидит на другом конце кровати и до неё далеко как до Луны.

У этого вечера, без сомнений, было своё волшебство, однако, оно казалось каким-то картонным. От всего вокруг веяло отрешённостью. И вроде бы красивая антуражная квартира с антикварной мебелью, свечами, черепами и плакатами, и хозяйка квартиры красива, но всё это совершенно не имеет души. Раст загнал себя вглубь своего сознания, пережёвывая одни и те же мысли по кругу. Ему казалось, что он слушает эту песню уже целый час, а она всё никак не закончится.

Сюзанна смотрела Расту в глаза, он совершенно не мог вынести этого взгляда.

– Может быть, ты хочешь ещё вина? – спросила она, открывая бутылку дешёвого сладкого пойла.

– Я не знаю, я вообще ничего не знаю, – ответил он.

– Может быть, ещё покурить? – спросила она.

– Нет, сейчас меня попустит и пойду домой. Мне что-то нехорошо, – и Марк не врал, его действительно начинало мутить от гашиша и вина.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его, в её слюне был привкус вина и крови. Марк чуть не вскрикнул от боли, Сюзанна намеренно прокусила ему губу.

Он отстранился от неё, понимая, что это пиздец. Кровь стекала по подбородку. А девушка хищно смотрела на него, страстно облизывая губы.

– Первая положительная, – сказала она холодным голосом, – Я думала, у тебя будет третья. Я ожидала чего-то более изысканного.

До Раста не сразу дошло, что перед ним вампириша. Он проклинал собственную глупость, пытаясь судорожно соображать. Гашиш замедлил его реакцию. Надо было больше доверять рассказам Йона, не шататься одному, не вестись на мутных баб. Сколько вещей вообще не нужно было делать в этой жизни. Кровь запульсировала в виске. Марку показалось, что его лицо пылает от жара.

Она достала стилет из рукава, длинный и тонкий, как спица, нож. Им легко протыкать кожу, мышцы, артерии, выпускать на свободу красную горячую кровь. Сюзанна бросилась на Марка в предвкушении. Он попытался перехватить её руку. Несмотря на хрупкое телосло-

жение, вампирша обладала недюжинной силой. В её теле была свинцовая тяжесть. Марк уже чувствовал, как что-то холодное протыкает ему шею. Боли не было, только безразличие...

В соседней комнате со звоном расколосось окно, кто-то чертыхнулся и последовал дальше по балкону, разнося всё на своём пути. Это и отвлекло вампиршу. Она выронила нож, тот затерялся в складках одеял. Наконец, рассыпалось сотнями брызг и витражное окно комнаты Сюзанны. Там в свете уличного фонаря на подоконнике стоял Джон Доу, размахивая бейсбольной битой, украшенной гвоздями и колючей проволокой. С улицы в комнату хлопьями летел мокрый снег.

– Я перепутал окно, – усмехнулся он.

На шум вбежал и братец вампирши, чтобы попасть под раздачу. С первым ударом он согнулся к земле, как бы подставляя поудобнее голову под новый замах биты. Кровь застлала его лицо. Джон размахнулся сильнее. Голова вампира раскололась как арбуз.

Раст видел, как в полумраке мозг покидает черепную коробку, он похож на полужидкий фарш. Как глаз повисает на ниточке нервов. Вампирша издала душераздирающий крик боли, ужаса и отчаяния, забыв про Марка, она бросилась на Джона.

Она была проворнее своего покойного собрата. Зубами она впиалась в его руку, парализуя волю и силу. Марк видел, что она стоит к нему спиной. Джон кричит и матерится, пытаясь разжать её челюсти. Перспектива остаться без пальцев не очень радует.

Очень кстати под рукой оказался стилет. Марк не помнил этот момент, как он поднялся, как вонзил нож под ребро, куда-то слева, где должно быть сердце. Он понял, что попал, когда захрипев, тварь разжала челюсти и безвольно завалилась вперёд. Её яркие глаза вмиг погасли, утратив жизнь и азарт охоты.

– Вау, не ожидал от тебя, – вздохнул Джон, опускаясь на пол.

На его запястье красовалась рваная рана.

– Больно... пиздец.

Джон дотянулся до бутылки ягодного вина, полил его на рану, затем, оторвав край рубашки, он спокойно перетянул запястье. Шатаясь, он снова поднялся на ноги и пнул носком ковбойского сапога труп вампирши.

– Грамотно ты, – вздохнул он. – Мне говорили, что онидохнут только если поразить мозг или сердце. Всё остальное у них крайне быстро регенерирует.

Затем он поднял с земли битую, покрытую кровью и ошметками волос.

– Чё-то всё в говне теперь.

Он оглянул комнату, залитую кровью, глянул в зеркало на свой не лучший вид (чужая и своя кровь покрывала его с головы до ног) и спокойно закурил. Марк всё ещё находился в состоянии шока. Металлический запах резал нос. Какие-то несколько секунд, и в комнате два трупа. Это быстрее и ярче чем в кино. И в сто тысяч раз тошнотворнее.

Марк закурил, замечая дикую дрожь в руках. Сердце готовилось выпрыгнуть из груди.

– Как ты узнал, где я? – спросил он у Джона. – Ты прям как Бог из Машины.

– Не спрашивай. У меня слишком много секретов, и они не слишком приятные.

– Я не думал, что ты захочешь меня спасти.

Джон сплюнул на пол.

– Если ты сдохнешь, то с кем я буду бухать! А теперь всё, мы с тобой кровью повязаны...

Мы как мафия.

Марк ещё раз огляделся по сторонам.

– Тебе не кажется, что нам пора отсюда сваливать.

В машине Джон включил радио на полную громкость и приложился к фляге с виски. Затем протянул её Расту. Тот молча влил в глотку обжигающее пойло.

– Ты напоминаешь мне меня в твои годы. Такой же наивный.

Он снова закурил, глядя в непроглядную ночную тьму, освещённую лишь двумя дорожками фар.

– Я тоже вёлся на всякий шлюх. Один раз насуwał дочке какого-то наркобарона. Меня потом так отделали и скинули в реку, но я выжил, сам не знаю как. Мне вообще кажется, что я бессмертный, мой демон хранит меня.

«Так уж быть, и никто не узнает, чьи имена я прочитал в Книге Смерти»

Глава 5

– Если тебя укусил вампир, то ты тоже станешь вампиром? – спросил Раст, наблюдая как Джон посыпает рану антисептиком.

Рука выглядела мерзко, как лежалое мясо, и сильно распухла. В окна кухни смотрела всё та же ночная тьма елового леса, за который спряталась треснувшая луна. Страх не отступал. Он только усиливался вместе с волчьим воем и скрипом вековых деревьев.

– Нет, но могу схватить заражение крови. Но я знаю наперёд, что я не умру... Не сегодня, не сейчас.

– Ты не боишься остаться без руки?

– И без руки я не останусь, в худшем случае привяжу вместо неё огромное лезвие или крюк, – Джон рассмеялся своей шутке.

Раст подумал, что он находится под действием болевого шока.

– Ты бы в больницу сходил.

– У меня нет медстраховки, вернее, у той стороны моей личности, что зовётся «Джон Доу» нет никакой страховки.

Он достал из-под дивана початую бутылку водки и нацедил себе целый стакан.

– Водку пьют, когда очень плохо, когда ад замёрз. Когда хорошо – пьют шампанское. Пиво пьют, когда нормально. А виски – просто вкус жизни!

Марк уставился в пол, затем протянул руку за бутылкой водки и сделал глоток прямо из горла.

– А кем ты был, прежде чем попал сюда? – спросил он, отдышавшись.

– А как ты думаешь?

– Мне кажется, ты был бандитом.

Джон рассмеялся:

– Эх, не угадал. Кем я только не был. А ты задаёшь слишком много вопросов. Когда-нибудь всё встанет на свои места..., но не сейчас.

Он осушил наполовину полный стакан водки и добавил:

– Об этой истории давай тоже не будем распространяться. Больше шуток про превращение в вампира я не переживу.

Джон спал в мансарде. Это было самое тихое место в особняке. И самое тёплое. Его пещера. Здесь, среди старинных сундуков и остатков стройматериалов, он оборудовал своё нехилое убежище – широкий матрас, куча одеял, маленькое слуховое окно, которое почти не пропускало свет, только камин порой наполнялся жаром от поленьев, как первобытный источник огня и света; вместо стола лишь пустая коробка, на где нехитрый натюрморт составляли свечи, бездонная пепельница с бычками и пустая бутылка из-под водки.

Пристанище серых теней и безрадостных мыслей. Храм застывшего времени и похмелья длинную в жизнь.

Он проснулся где-то ближе к вечеру, но не по своей вине. В дверях стояла Эстер, закутанная в пёстрое лоскутное одеяло. По её голым плечам струились распущенные рыжие волосы. В лучах заходящего солнца она напоминала героиню картин эпохи возрождения. И вот одеяло полетело на пол, обнажая тонкий белый силуэт.

– Джон, я хочу тебя, – она опустилась на матрас.

Он прижался к ней в полусне, в полубреду. Близость женского тела и пряный запах кожи пробуждал в нём животное.

– Что ты делаешь? – спросил он, уже сжимая в руках её налитую девичью грудь.

– Я хочу, чтобы ты был первым, я всё уже решила....

Их губы на миг соединились.

– Зачем? Это не принесёт тебе счастья, – шептал он в тщетной попытке себя остановить, но поздно было что-то менять.

Джону не нравились малолетки, ему не нравились девственницы, он любил женщин искушённых, чья порочная натура была под стать ему самому. Но когда к тебе прижимается обнажённое тело, очень трудно устоять. Он снова сказал себе, что за одной придут и другие, это лишь вопрос времени. Они всегда идут косяками, как рыба в сети. Джон навалился сверху, бесцеремонно развёл её ноги в стороны. Как только он вошёл, всё её тело напряглось от боли.

– Джон, мне же больно, – прошептала она, но он не слышал.

Она была такой горячей внутри, так непритворно стонала под ним. То, что доставляло ему удовольствие, приносило ей только боль и разочарование.

Цепкие объятия зверя, из которых не выбраться, и его хриплое дыхание. В этом нет порывов нежности как в девичьих грёзах, только грубая и прямолинейная похоть.

Всё закончилось слишком быстро. Вот и она лежала голая посреди смятой постели с потёками его свежего семени и собственной крови на бёдрах. Их пот смешался, зависнув в воздухе тонкой острой ноткой утолщённой страсти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.